

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

1. Введение

В настоящее время происходит изменение структуры всех аспектов жизни в России. Трансформируются социальные институты и сообщества, изменяются структуры, связывающие эти институты в единое целое. Изменения происходят и на более низком уровне — организаций, домохозяйств и т. д. Эти изменения можно зафиксировать, проследить их историю и предпосылки. Следует иметь в виду, что общероссийские изменения происходят на фоне более глобальных общемировых трансформаций. Прежде всего, разрушения биполярного мира и установления многополюсности (эксполярности) современного мира.

Отдельной проблемой при анализе современных изменений является выделение четких структурных единиц анализа, отдельных направлений изменения, поскольку изменяется, как правило, все сразу. Суть - в стремительности и неуволимости изменений одновременно.

Общий подход, который позволяет определить и в какой-то степени формализовать анализируемые данные — **социальные сети**. Это отдельная философия анализа данных, которая позволяет интегрировать различные подходы: статистические, кибернетические, системные, имитационные.

Концепция социальных сетей сформировалась в западных исследованиях в последние 30 лет. Можно назвать самых известных в этой области современных ученых: Фримана (Freeman L.C), Ноука (Knoke D.), Марсдена (Marsden P.V.),

Вассермана (Wasserman S.), Фауст (Faust K), Веллмана (Wellman B.), Берковица (Berkowitz S.D.) и т. д. Популярность этой концепции объясняется, прежде всего, широкой эмпирической применимостью, дающей выход на теоретические обобщения, а также строгим математическим базисом — теорией графов, расширенной и адаптированной для решения социологических задач. Кроме того, это наиболее удобная форма для представления концепции «структуры».

Сначала представления о сетях были достаточно метафоричны и интуитивны, но затем они были переведены в более жесткие термины алгебры, теории графов и теории вероятностей. Эта смесь различных математических подходов стала для социологии находкой. С одной стороны, язык описания стал более точным и инвариантным, что облегчило включение социологических понятий в общее концептуальное ядро других дисциплин. С другой стороны, появилась возможность широкого применения математических и компьютерных алгоритмов, использования количественных методов. Однако при этом иногда упускалось из виду главное — социологическое объяснение изучаемых общественных процессов.

Несмотря на эти помехи, потенциал сетевого анализа как теоретического подхода велик, поскольку помогает структурировать модели взаимодействия между социальными единицами: людьми, коллективами, организациями и т. д. Наряду с прочими достоинствами, по сравнению с другими методами, сетевой подход имеет еще одно неоспоримое преимущество: он позволяет оперировать данными на разных уровнях исследования - от микро- до макроуровня, обеспечивает преемственность этих данных. Кроме того, этот метод представляется наиболее естественным для выражения, описания и упорядочения понятий, когда речь идет о структуре.

Кроме того, сетевые методы позволяют разрешить проблему конструирования единиц анализа, поскольку сетевой анализ обеспечивает преемственность данных, и можно более мелкие единицы объединить без потери информации.

Универсальность сетевых подходов проявляется и в том, что они позволяют рассмотреть исследуемый объект (будь то

.....

домохозяйство или социальный институт) с междисциплинарной точки зрения. Говоря сетевыми терминами, у одного объекта (или подструктуры объекта) может быть множество атрибутов, которые изучаются разными исследователями. Это позволяет избавиться от излишней экономизации, или «экономического империализма», в изучении объектов, как это стало принято в последнее время, поскольку «...любое экономическое действие, в конечном итоге, «погружено» в широкую социальную структуру и находится под воздействием культурных факторов. Можно вполне плодотворно обсуждать работу капиталистической индустрии или законодательство, но в контексте эксплоятности/неформальности экономическое и неэкономическое связаны настолько, что любая исключительно экономическая модель имеет тенденцию вводить нас в заблуждение» (Шанин, 1999).

Отдельным направлением сетевого анализа являются нейронные сети, предназначенные для изучения когнитивных процессов и изменений структур.

Одной из первых работ по теоретическому осмыслению трансформаций в глобальном сообществе и в России как части этого сообщества в сетевых терминах можно назвать работу Мануэля Кастельса «The Rise of the Network Society» (Castells, 1996).

2. Глобализация общества через его сетевизацию (модель М. Кастельса)

Можно сказать, что основанием и одновременно выражением глобальных изменений общества Кастельс считает технический прогресс, точнее, наиболее интеллектуальную его часть, которая и требует по преимуществу интеллектуальных ресурсов от отдельных людей и максимальную информативность от сообществ. Она сильнее всех прочих технических новшеств изменяет восприятие мира у отдельного индивида и одновременно влияет на организацию социального пространства. Географическая удаленность уже не имеет значения. Определяющим становится виртуальное сообщество. Люди,

живущие в одном городе, могут в своем повседневном общении практически не пересекаться, поскольку относятся к разным группам пользователей глобальной сети. «...Новая коммуникационная система, все более говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре и приспособливает их к персональным вкусам и настроениям индивидов. Интерактивные компьютерные сети растут по экспоненте, создавая новые формы и каналы коммуникации, формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время» (Кастельс, 2000, С. 26).

Таким образом, полностью изменяется понимание идентичности. Здесь мы наблюдаем эффект, обратный тому, что происходит в экономике. Если раньше понятие идентичности было многополярным (религиозная или этническая идентичность), то в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делигитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, люди все чаще организуют свои смыслы около понятий «Я» и «другое сообщество». Тем временем, глобальные сети инструментального обмена селективно подключают или отключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке стратегических решений. «Отсюда следует фундаментальный раскол между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикулярными идентичностями. Наши общества все больше структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и Я» (Кастельс, 2000, С. 26).

Итак, явно выделяется одно подмножество сети — ее узлы, акторы, которыми могут являться индивиды или отдельные сообщества. Но, чтобы образовывать сеть (даже коммуникативную), должно происходить перераспределение ресурсов. Можно себе представить, что акторы располагаются в виртуальном пространстве, и обмен ресурсов также происходит в этом пространстве. И здесь Кастельс обосновывает новое по-

нятие: **сетевое пространство**. В виде виртуального пространства он представляет ресурсы, которыми обменивается сеть, а местоположение акторов в нем определяется удаленностью от центров перераспределения того или иного вида ресурсов.

3. Перераспределение ресурсов в новом сетевом пространстве

Пространство есть выражение общества. Поскольку наши общества подвергаются структурной трансформации, разумно предположить, что в настоящее время возникают новые пространственные формы и процессы. Необходимо идентифицировать новую логику, лежащую в основе таких форм и процессов. Пространственные формы и процессы формируются динамикой общей социальной структуры. Сюда входят противоречивые тенденции, вытекающие из стратегий взаимодействия между социальными акторами, разыгрывающими свои противостоящие интересы и ценности.

При взаимодействии акторов неизбежен обмен разными типами ресурсов или потоков (капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов), вокруг которых построено все общество. Потоки являются не просто одним из элементов социальной организации, они выражают процессы, доминирующие в экономической, политической и символической жизни общества. В новом технологичном (информационном) обществе виртуальным становится почти все (деньги, чувства, место жительства), кроме предметов, обеспечивающих комфортное существование и защищенность человека. Но ценность бытовых предметов непоставима с ценностями идей, которые производятся человеком. Ведь эти идеи, с одной стороны, определяют рациональность, с другой, обосновывают необходимость работы с данными материальными ресурсами. Почти все из вышеперечисленных ресурсов приобретают виртуальное выражение в электронных импульсах. Тем не менее, они нуждаются в материальной опоре. Это ансамбль элементов, поддерживающих такие потоки и делающих материально возможным их отчетли-

вое и одновременное проявление. Кастельс предлагает следующую идею: «...Существует новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. **Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки**» (Кастельс, 2000, С. 385). Под потоками Кастельс понимает целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества. Доминирующие социальные практики встроены в доминирующие социальные структуры. Под доминирующими социальными структурами понимается такое устройство организаций и институтов, при котором внутренняя логика (этих структур) играет стратегическую роль в формировании социальных практик и общественного сознания в обществе в целом.

Пространство потоков, как материальную форму поддержки процессов и функций, доминирующих в информационном обществе, можно описать как сочетание трех слоев материальной поддержки, которые, взятые вместе, образуют пространство потоков.

- **Первый слой, первая материальная опора пространства потоков, состоит из цепи электронных импульсов** (микроэлектроника, телекоммуникации, компьютерная обработка, системы вещания и высокоскоростного транспорта, также основанного на информационных технологиях), которые образуют материальную основу процессов, имеющих решающее стратегическое значение в сети общества.

- **Второй слой пространства потоков состоит из узлов и коммуникационных центров.** Пространство потоков, в отличие от структурной логики, не лишено мест. Оно основано на электронной сети, но эта сеть связывает между собой конкретные места с четко очерченными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками.

• **Третий важный слой пространства потоков относится к пространственной организации доминирующих менеджерских элит** (скорее элит, чем классов), осуществляющих управленческие функции, вокруг которых строится организованное пространство. Теория пространства потоков начинается с допущения, гласящего, что общества асимметрично организованы вокруг доминирующих интересов, специфичных для каждой социальной структуры

Отсюда проистекает очень важный вывод: сеть влияет на социальную организацию сообществ и, соответственно, на социальное пространство. Пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети.

Фундаментальная форма господства в нашем обществе основана на способности господствующих элит к организации, идущей рука об руку со способностью дезорганизовать те группы общества, которые, составляя численное большинство, видят свои интересы частично (если не вообще) представленными только в рамках удовлетворения господствующих интересов. Четкая организация элит, сегментация и дезорганизация масс - вот, по-видимому, двойной механизм социального господства в наших обществах. Короче говоря: **элиты космополитичны, народы локальны**. Пространство власти и богатства пронизывает весь мир, тогда как жизнь и опыт народов укоренены в конкретных местах, в их культуре, истории. Поэтому, чем больше социальная организация основана на внеисторических потоках, вытесняющих логику любого конкретного места, тем больше логика глобальной власти уходит из-под социополитического контроля со стороны местных и национальных сообществ. В России фактически произошло именно это: в советский период была создана структура, которая обеспечивала структурные единицы тем большим количеством информации и других видов ресурсов, чем ближе к вершине они находились.

4. Россия как часть глобального сообщества

4.1. Предыстория трансформаций в России: организационная структура советского административного рынка и экономики перестроенного периода

При описании форм административно-рыночной активности в России приходится учитывать тот факт, что в своем генезисе все без исключения новые организации и предприятия, а также индивидуальная деловая активность имеют общее советское происхождение, что неизбежно оказывает влияние как на характер экономической деятельности, так и на ее результаты. Перестроенная экономика была основана на перераспределении ранее централизованных государственных ресурсов в пользу субъектов, ранее бывших структурными элементами централизованной экономики и продолжающих воспроизводить ее характерные особенности как во внутренней своей структуре, так и в отношениях с государством. Однако это вовсе не означает, что генезис субъектов постперестроенной экономики полностью определяет их поведение. По прошествии десяти постперестроенных лет можно констатировать: в отношениях между этими субъектами возникают новые экономические качества.

В советскую эпоху политэкономическим основанием иерархически организованной системы отчуждения ресурсов и их распределения была фиксированная статусная структура, отношения в которой были относительно унифицированы и определялись конкуренцией за право доступа к ресурсам и к распоряжению ими. Это при том, что формально распоряжение ресурсами входило в определение статуса — так, руководитель предприятия формально имел право распоряжаться его ресурсами. Однако формальная доступность была ограничена тем, что распоряжение этим же ресурсом входило в определение и других статусов. Так, кроме руководителя предприятия его ресурсами могли распоряжаться — естественно по-разному — работники парткомитетов, исполкомов местных Советов, представители вышестоящих отраслевых организаций. Между потенциальными распорядителями ресурсов ес-

.....

тественно возникла конкуренция за право реального контроля над ними.

На низшем уровне отраслевых иерархий, специфичных для социалистического производства, могут быть выделены следующие статусы, конкурирующие за доступ к распределению ресурсов: рабочие и эквивалентные им статусы; линейные руководители; функциональные специалисты; заместители руководителей предприятий; руководители предприятий низшего ранга (номенклатура райкомов КПСС).

В этой конкурентности и заключались причины формирования глобальной (общероссийской) сети неформальных отношений, которая поддерживала разваливающуюся советскую экономику. Торгово-обменные отношения возникали в иерархиях территориальной и отраслевой власти естественным образом — из отношений между формальными статусами — и объективировались в особых статусах посредников («блатных»). Совокупность способов обхода государственных механизмов отчуждения и перераспределения получила — в государственной рефлексии — название **теневой экономики**.

Необходимым условием теневой экономики являлось существование отряда рабочей силы, не связанной с фиксированным местом работы. Речь идет о ставших обычными после 50-х годов бригадах строительных рабочих, бичах, бомжах и других категориях работников, выполняющих ситуативные работы на аккордной или договорной форме оплаты труда и не связанных с теми социальными гарантиями, благами и льготами, которые дает постоянная работа на государственном предприятии. В постперестроечную эпоху этот процесс (сетевизации труда) стал более масштабным и проник почти во все слои населения.

Рассмотрим репрезентативные данные RLMS (Russian Longitudinal Monitoring Survey — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) за 1996 и 1998 годы. Есть возможность оценить влияние летнего кризиса 1998 г. на сетевизацию рынка труда, поскольку опросы RLMS проводятся осенью.

По данным 1996 г. (опрошено 10 465 чел.), на вопрос «Есть ли у Вас сейчас работа?» «Да» ответили 39,8%. «Нет работы» — 37,7%. У тех, у кого есть работа, рабочий день продолжался в среднем 8,34 часов. На этой работе обычно получали в среднем 792,71 рублей. Для удобства сравнения с дальнейшими исследованиями мы разделили все рублевые суммы 1996-го года на 1000. Теперь везде будут подразумеваться деноминированные рубли. Из тех, кто работал, 66,7% получали на этой основной работе премии, дотации, пособия.

1,7% от всех опрошенных имели еще одну работу. Средний рабочий день продолжался 5,28 часа. Из тех, кто работал дополнительно, 65,6% получали дотации, пенсию, пособия. Однако это касается только тех, кто оформлен документально и работает на предприятии, в госструктуре и т. д. В среднем заработок на этой второй работе составлял 671,88 рублей, и почти равнялся основной зарплате.

Количество тех, кто не был оформлен на второй работе, но, тем не менее, достаточно регулярно подрабатывал, значительно больше 5% от общего количества опрошенных. Они тратили на нее в среднем 6,9 часов в день (больше, чем на второй официально оформленной работе) и получали 428,78 рублей.

Теперь посмотрим, что же произошло после кризиса. В 1998 г. было опрошено 10 675 чел.

Число тех, у кого есть постоянная работа, несколько сократилось: теперь их 37,9%. А вот количество тех, у кого нет постоянной работы, возросло — 41,6%. В среднем, продолжительность рабочего дня увеличилась до 8,97 часов (почти на 40 минут!). Казалось бы, выросла и средняя зарплата — теперь она составляет 950,5 рубля. Но зарплата возросла на 20%, а курс доллара сразу после кризиса — на 200%. 94% оформлены на этой работе официально.

Еще одна работа есть у 1,8% опрошенных. В среднем, рабочий день продолжается 5,3 часа, зарплата 675,2 рубля, она фактически не изменилась по сравнению с 1996 г. Официально оформлено на второй работе 45,4%.

Подработками теперь занимаются 5,6% от общего числа опрошенных (как видим, и их количество возросло). В сред-

нем этой временной работе уделяют 7,2 часа в день (количество времени увеличилось по сравнению с 1996 г.), а зарплата уменьшилась - 419,68 рублей. Как видим, люди хватаются практически за любую работу. Причем эти подработки оформляют всего 10,8%.

Может показаться, что количество подрабатывающих невелико, но необходимо помнить, что в RLMS попали равномерно сельские и городские районы. Если мы рассмотрим исследование, проведенное в рамках проекта «Сберегательное поведение населения»¹ (1999 г., опрошено 1075 чел.), цифры значительно изменятся, поскольку оно проводилось по 4-м крупным городам России: Москве, Нижнему Новгороду, Сыктывкару и Иваново.

Основная работа есть у 58,7% опрошенных. Вторая работа — у 6,3% опрошенных, а приработки — у 15,8%. Причем 77,1% подрабатывающих делают это индивидуально, а не через предприятие.

Необходимо отметить, что в городах время тратится с большей эффективностью, поскольку все виды деятельности занимают гораздо меньше времени, чем в целом по стране. Так, основная работа занимает в среднем 7,88 часов в день, вторая работа — 4,68 часов, а приработки — 4 часа.

Процентное распределение доходности по видам деятельности следующее: основная работа приносит 84,1% всех денежных поступлений, вторая работа — 3,6%, а подработки — 12,3%. Т. е. фактически «в тени» остается около 10% доходов россиян. Причем не всех, а самой активной его части (по классификации Кастаньельса - *сетевики*). Их деятельность труднее всего отследить, и они обладают повышенной «выживаемостью».

Нельзя сказать, что процессы, происходившие на российском рынке труда, были и остаются уникальными. Генезис сетевизации мирового рынка труда несколько иной, но он привел к сходным результатам.

4.2. Сетевизация рынка труда

Новый «призрак» бродит по Европе (не так часто - по США и Японии): возникновение «безработного общества» под

воздействием информационной технологии на фабриках, в офисах и в сфере услуг Институты и социальные организации в сфере труда, кажется, играют большую роль, чем технология в создании рабочих мест или в их уничтожении, однако, если технология *per se* не ведет к созданию или уничтожению рабочих мест, она глубоко трансформирует природу труда и организацию производства. Перестройка фирм и организаций, провести которую позволяют информационные технологии и которая стимулируется глобальной конкуренцией, возвещает фундаментальную трансформацию работы, а именно **индивидуализацию труда**.

М Кастельс описывает следующую типологию, относящуюся к потребности и способности каждой задачи и ее исполнителя связаться с другими рабочими в реальном времени, будь то в той же самой организации или общей системе сетевого предприятия. Согласно этой способности к связям он различает три фундаментальные позиции (Кастельс, 2000, С. 237)

- *сетевики-универсалы* (networkers), которые по собственной инициативе устанавливают связи (например, в проектных работах, проводимых совместно с другими отделами компании) и прокладывают курс сетевого предприятия,
- *сетевики-операторы* (networked), которые работают on-line, но не решают, когда, как, почему и с кем,
- *внесетевые рабочие* (switched-off workers), привязанные к своим специфическим задачам, определенным не интерактивными односторонними инструкциями

Мобильность труда затрагивает и неквалифицированных, и квалифицированных работников В то время как наличие кадрового ядра является нормой в большинстве фирм, субподряды и консалтинг стали быстро растущей формой получения профессиональных услуг. Не только фирма выигрывает от гибкости. Многие профессионалы добавляют к своей основной работе (с полным или неполным рабочим днем) консультирование в других местах, которое повышает их доход и усиливает их позиции при заключении сделок. Логика этой высоко динамичной трудовой системы взаимодействует с трудовыми институтами каждой страны чем больше ограничения на

.....

такую гибкость и чем больше мощь профсоюзов на переговорах, тем меньше будет воздействие на ставки заработной платы и льготные выплаты и тем выше будет для новичков трудность войти в кадровое ядро, что ограничивает создание рабочих мест.

Хотя социальные издержки гибкости могут быть высокими, растущий поток исследований подчеркивает то влияние, которое новая структура работы оказывает на трансформацию общественной жизни. В целом, традиционная форма работы, основанная на занятости в течение полного рабочего дня, четко очерченных профессиональных позициях и модели продвижения по ступеням карьеры на протяжении жизненного цикла, медленно, но верно размывается

4.3. Постперестроечные трансформации в России

Современную экономику России по сути можно назвать социальной, поскольку определяющими чертами в ней являются:

- нацеленность на выживание, а не на накопление капитала;
- нацеленность на обеспечение занятости, а не максимизацию прибыли,
- гибкость и множественность способов заработать (обычно быстро меняющихся),
- взаимная поддержка и кредитование, основанные в большей степени на доверии и родстве, чем на контрактных соглашениях,
- незарегистрированное предпринимательство, следующее стратегии избегания соотношений с государством, интегрированные легальные, нелегальные и криминальные виды деятельности бедных слоев, нацеленные на выживание,
- быт, инкорпорирующий многие из вышеприведенных характеристик, который различные поколения исследователей выделяли особо, называя «культурой нищеты» (Lewis, 1951) или «моральной экономикой» (Scott, 1976)»

В таких крайне жестких условиях семейные стратегии выживания зависят, в особой мере, от неэкономических ресурсов, таких как личные контакты, политический патронаж, привилегированный доступ к некоторой информации и сетям взаимной поддержки между родственниками, соседями и друзьями. Здесь также центральным является само понятие морали как определение причинности передачи материальных благ и вклада труда, потому что получатель есть тот, кто он есть, а не внеперсональное лицо для получения платы по контракту (Bauman, 1993). Прежде чем перейти к анализу неформальных взаимодействий между домохозяйствами, необходимо описать связь между сетевыми подходами и социальным капиталом.

5. Связь между сетевизацией и видами капитала

Как отмечает А. Портес (Portes, 1998), первый систематический современный анализ **социального капитала** был сделан Пьером Бурдьё. Он определял это понятие как «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, которые связаны с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний» (Bourdieu, 1985. P. 248). Его видение является инструментальным и концентрируется на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности» (Bourdieu, 1985. P. 249). Социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована через институционализацию групповых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов. Из определения Бурдьё становится понятным, что социальный капитал состоит из двух элементов: во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала равняется качеству этих ресурсов.

Из определения Бурдьё следует понижение значения всех форм экономического капитала, определяемого как накоплен-

ный человеческий труд. Через социальный капитал акторы могут получать прямой доступ к экономическим ресурсам (брать займы, субсидии, защищать рынки и т. д.); они могут увеличивать свой культурный капитал через контакты с экспертами или индивидами, воплощающими культурный капитал (артистами, художниками и т. д.). Также они могут включаться в определенные институты посредством ценных «верительных грамот» — дипломов и сертификатов (то есть институционализировать культурный капитал).

С другой стороны, приобретение социального капитала требует взвешенного вложения и экономического, и культурного ресурса. По определению Бурдье получается, что наращивание социального или культурного капитала понижает экономический капитал. Процессов, что развивают одновременно обе эти формы, нет. Каждый обладает своей собственной динамикой. И по сравнению с экономическим обменом, социальный обмен характеризуется меньшей прозрачностью и большей неопределенностью. К примеру, транзакции, включающие социальный капитал, можно охарактеризовать неопределенными обязательствами, нечеткими временными границами и возможным нарушением взаимных ожиданий. Однако, если бы социальный обмен был более четким и понятным, то можно было бы говорить о рыночных отношениях. Здесь можно поставить вопрос о мотивах обмена. Мотивы обмена социальным капиталом очень сложны и давно стали камнем преткновения как для экономистов, так и для социологов.

Рассмотрим подробнее работу Коулмена, поскольку его анализ является структурированным и четким. Лучше всего у экономистов разработана идея физического капитала, который воплощается в инструментах, машинах, и другом производящем оборудовании, что может быть распространено и на человеческий капитал (Вакер, 1990). В то время как физический капитал облегчает возможность обмена продукцией, человеческий капитал создается при обмене индивидов умениями, навыками и способностями, что расширяет их возможности. Социальный капитал возникает тогда, когда отношения между людьми направлены на облегчение совместных дей-

ствий. Физический капитал более осязаем, будучи воплощен в материальные формы; человеческий капитал менее осязаем, будучи воплощен в навыки, умения и знания, присущие индивиду; социальный капитал еще менее осязаем, потому что он воплощен в отношения между людьми. Физический и человеческий капиталы облегчают производственную деятельность, а социальный капитал помогает им это сделать.

Гарри Беккер (Becker, 1992) подчеркивал, что социальный и человеческий капитал могут взаимно влиять друг на друга. Так, знания, технические навыки человека и его зарплата зависят от физического или социального капиталов. Однако вклад в человеческий капитал может скорректировать влияние других форм капитала. Например, более образованный и более молодой работник может получать зарплату наравне с более опытным и с большими социальными связями.

Разница между человеческим и социальным капиталом можно показать на графе связей между людьми, где узлы — это люди, обладающие потенциальным социальным капиталом, а связи между ними — социальный капитал. Социальный и человеческий капиталы часто комплементарны.

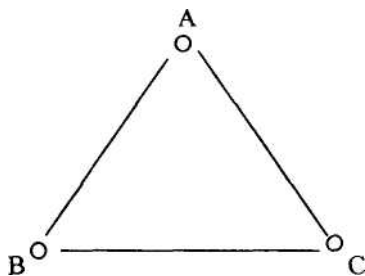

Рис. 1. Структура из трех индивидов: человеческий капитал — в узлах, социальный капитал — в связях.

Функцию социального капитала можно определить как ресурсы, которые могут быть использованы акторами для реализации их интересов. С точки зрения социальной структуры, концепция социального капитала помогает подсчитать

.....

результаты на уровне индивидуальных акторов и одновременно осуществить микро/макро переходы без усложнения и детализации структур. Правда, в зависимости от целей, некоторые ученые хотят детально исследовать организационные ресурсы, понять элементы, которые играют особую роль в структурировании и использовании этих ресурсов, и исследовать их поступление в каждом отдельном случае. Но концепция социального капитала может показать, как такие ресурсы комбинируются с другими ресурсами на разных уровнях и в разных системах поведения, и к каким результатам для индивидов это приводит. Пока социальный капитал является качественным концептом в социальных науках как составляющая финансового капитала, физического капитала, и человеческого капитала.

Коулмен (Coleman, 1994) определяет социальный капитал через его функции как «различные сущности, у которых есть два сходства: 1) они все состоят из нескольких аспектов социальной структуры, 2) их содействие определенным действиям акторов - равно индивидам или корпоративным акторам — осуществляется в пределах структуры» (Coleman, 1990, P. 302). Это расплывчатое определение открывает путь для нескольких разных и даже противоречивых определений социального капитала. Коулмен продуцирует новые термины, которые помогли бы описать механизм производства социального капитала (такие как взаимное ожидание и групповое усиление норм); виды владения социальным капиталом (такие как привилегированный доступ к информации); социальные организации, обеспечивающие как источник, так и эффект материализации социального капитала. Поскольку ресурсы к реципиенту поступают через социальный капитал, необходимо дать характеристику и реципиенту (получателю), и самому трансферту.

6. Сетевизация домохозяйств

Россия занимает особое место по распространенности частных трансфертов, их истории и отношения к ним населе-

ния. Результат действия частных трансфертов описывает Т. Шанин в книге «Неформальная экономика» [11]. По сути, он отмечает парадоксальность ситуации в России: недополучающие, или вовсе не получающие зарплату учителя учат, врачи лечат, военные несут службу. Так, один человек, работающий в негосударственной структуре и получающий высокую зарплату, помимо того, что платит официальные налоги, может оказывать помощь нескольким бюджетникам - своим родственникам — студентам в период учебы или пенсионерам. По сути, частные трансферты играют роль силы, действующей в качестве противовеса сверхбыстрого расслоения общества на богатых и бедных. Все эти разнообразные трансферты имеют общее свойство: они неофициальны, происходят в обход официальных государственных систем, а потому государством неконтролируемы. Проблема частных трансфертов теснейшим образом переплетается с множеством других проблем, актуальных для современной России: бедность, государственная поддержка домохозяйств, сберегательная политика домохозяйств, стратегии выживания домохозяйств, налогообложение.

По всем этим проблемам уже были проведены исследования и, как дополнительный результат, были получены следующие данные о распространенности частных трансфертов в России (см. табл. 1).

Перераспределительные процессы, происходящие внутри и между домохозяйств, представляют особый интерес для экономических исследований как со стороны государственных, так и негосударственных организаций, отвечающих за социальную помощь разным группам населения.

Важно отметить, что трансферты бывают не только **денжными** (1). Домохозяйства могут помогать друг другу: трудом (2) (помощь по хозяйству, уход за больными и престарелыми, присмотр за ребенком); продовольственными продуктами (вареньями, соленьями, овощами с собственного огорода) и **вещами** (3); **информацией и связями** (4) (советом о том, где что можно купить подешевле, возможностью устроить родственника на хорошо оплачиваемую, выгодную работу по знакомству и т. д.).

Таблица 1.

*Оценка распространенности частных трансфертов
в России по данным разных опросов*

Исследования частных трансфертов в России	Год исследования	Количество домохозяйств, обменивающихся ресурсами (% от числа опрошенных)
Дональд Кокс, Зекерия Эзер и Эммануэль Хименс - RLMS.	1992	39,7%
.И.	1993	36,0%
В. Якубович ²	1998	65,5%
В. Радаев	1998	79,7%
Я. Рощина, О. Кузина ³	1999	62,1%

Так, можно определить четыре типа ресурсов, которыми могут обмениваться домохозяйства, что значительно усложняет задачу изучения частных трансфертов. Эта классификация достаточно давно и детально прорабатывалась социологами, поскольку экономистов в основном интересовали денежные отношения. Но если одно домохозяйство помогает другому деньгами, а обратно получает помощь трудом, то можно говорить о наличии обмена. Важность изучения не денежных трансфертов проиллюстрируют результаты обследования, проведенного в марте 1999 г. (опрос Я. Рощиной и О. Кузиной). Распространенность трансфертов каждого ресурса представлена в табл. 2.

К сожалению, по предыдущим данным мы можем оценить размер только денежных трансфертов. Так, для тех домохозяйств, которые получали денежные трансферты, их доля в общем семейном бюджете составляла 21,9%. Средний размер денежных трансфертов в месяц для этих семей равнялся 566,5 рубля.

Крайне важно установить адресность трансфертов — от какой группы населения к какой поступает тот или иной вид ресурсов. Если выделять государственные трансферты группе, которая в обмене частными трансфертами является про-

межучасточным звеном и передает эти ресурсы дальше, то они могут попасть к тем, кого государство вовсе не собиралось поддерживать. Если при этом мотивом предоставления частного трансферта является «обмен», то государственные субсидии никоим образом не повлияют на сложившуюся ситуацию.

Таблица 2.

*Распространенность частных трансфертов
по каждому виду ресурсов*

	Деньги	Продукты или вещи	Труд	Информация, связи
Донор	25,1%	21,5%	24,7%	20,5%
Обмен ресурсом	14,6%	15,5%	23,0%	16,4%
Реципиент	21,8%	23,1%	11,8%	7,0%
Независимый по данному ресурсу	29,8%	30,1%	32,0%	47,0%
Нет близких и родных, с которыми поддерживают отношения	8,1%	8,1%	8,1%	8,1%
Не ответили об обмене данным ресурсом (Missing)	0,7%	1,7%	0,4%	1,1%
Всего	100%	100%	100%	100%

Так, проблема установления общей структуры обмена между различными типами семей до сих пор оставалась открытой — в основном из-за методов анализа полученной информации, не позволяющих объединить полученные данные. Также необходимо проследить разницу в мотивах предоставления частных трансфертов для разных групп населения.

Итак, для описания природы частных трансфертов мы должны последовательно ответить на основные вопросы:

- кто отдает трансферты;
  - кто получает трансферты;
- характеристики трансфертов: вид ресурсов, размер, частота передачи.

Для ответа на эти вопросы опять обратимся к опросам RLMS: 1996 г. — до кризиса и 1998 г. — после кризиса.

В 1996 г. по «семейной» анкете было опрошено 3750 домохозяйств. На вопрос, который должен был служить индикатором (и одновременно фильтром) наличия неформальных межсемейных обменов, «Приходилось ли Вашей семье или кому-либо из ее членов, в течение последних 30 дней, безвозмездно отдавать деньги или товары людям, не являющимся членами Вашего домохозяйства?» «Да» ответили 23,5%. Как распределилась эта помощь между родственниками, и чему был равен размер трансфертов в денежном эквиваленте, можно увидеть в таблице 3. Для удобства сравнения, рублевые суммы приведены в денонмированном эквиваленте

Таблица 3.

*Направления оказания межсемейной помощи
(по данным RLMS, /1996 г.)*

Кому помогала Ваша семья	% домохозяйств, которые помогли	Средний размер трансфертов, руб.
Родителям Вашим или супруга (и)	5,5%	321,5 руб.
Детям Вашим или супруга (и)	9,7%	327,1 руб.
Бабушкам и дедушкам Вашим или супруга(и)	0,4%	337,3 руб.
Внукам Вашим или супруга (и)	3,5%	204,0 руб.
Другим родственникам	9,0%	154,9 руб.

На вопрос, устанавливающий, кто же помогал семье: «Получали члены Вашей семьи в течение последних 30 дней безвозмездно деньги или товары от людей, не являющихся членами Вашего домохозяйства?», «Да» ответили 24,8%. Распределение помощи в этом случае показано в табл. 4.

*Источники получения межсемейной помощи
(по данным RLMS, 1996 год)*

Кто помогал Вашей семье	% домохозяйств, которые помогли	Средний размер трансфертов, руб.
Родители Ваши или супруга (и)	12,9%	443,8 руб.
Дети Ваши или супруга (и)	5,3%	264,5 руб.
Бабушки и дедушки Ваши или супруга (и)	1,3%	420,8 руб.
Внуки Ваши или супруга (и)	0,2%	67,5 руб.
Другие родственники	4,7%	400,3 руб.
Друзья	3,3%	274,9 руб.
С места работы членов домохозяйства	1,1%	309,4 руб.
От других организаций и частных лиц	1,3%	496,5 руб.

Как видим, наиболее интенсивные обмены идут между родителями и детьми, как по количеству трансфертов, так и по их размеру. Однако необходимо учитывать такой важный фактор, как место проживания семьи. Чем больше населенный пункт, тем распространеннее становится помощь между друзьями (а не только родственниками). Рассмотрим таблицу 5. В первом столбце показаны общие проценты распространенности трансфертов для каждого типа населенного пункта. Выявить четкую закономерность в этом случае нельзя, поскольку самое большое количество трансфертов приходится на поселки городского типа, а самое малое — на село. Картина структурируется, если мы рассмотрим, куда же направлена помощь в зависимости от размера населенного пункта. В последних трех столбцах показан процент распределения помощи от всех семей, которые ее оказывают. Оказывается, в городе родителям помогают гораздо больше (почти в 2 раза!), чем в селе. И наоборот, помощь детям в селе оказывается намного существенней, чем в городе: 55,1% для села и 33,7% для города. Эта разница существенна, поскольку средний процент помощи детям составляет 43,9%, т.е. разброс равен 20%!

С одной стороны, можно было бы сказать, что это зависит от взаимного проживания родителей и детей, большинство

детей живет в городе, а большинство родителей — в деревне. Но разделение по месту жительства проводилось для семей, которые *дают* трансферты. Так же эту версию можно отвергнуть при подробном рассмотрении последнего столбца: помощь другим родственникам в крупном городе почти в два раза шире распространена, чем в селе.

Таблица 5.
Оказание межсемейной поддержки в зависимости от типа населенного пункта

	Вы помогали	Родителям	Детям	Другим родственникам
Областной центр	25,8%	28,7%	33,7%	47,3%
Город	23,6%	27,2%	49,6%	40,9%
Поселок городского типа	30,6%	24,6%	50,0%	35,6%
Село	19,1%	15,2%	55,1%	25,4%
ВСЕГО	23,7%	25,2%	43,9%	40,1%

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать достаточно глобальные и, к сожалению, не очень оптимистичные выводы. **Миф об «общинности» (в смысле, гемайншафт) сельской жизни в России оказался несостоятельным.** Помощь на селе направлена исключительно в одну сторону - к детям. А происходит это потому, что молодежь не в состоянии обеспечить себя и своих родителей, у нее нет перспектив и обеспеченного настоящего. Помогают родители прежде всего за счет пенсий — хоть какие-то «живые деньги» на селе — и личных подсобных хозяйств. Иное дело в городе, где происходит быстрый рост, существует несоизмеримо больший спрос на рабочую силу, и где молодежь в состоянии заботиться о своих родителях.

Если мы рассмотрим, как же распределяется помощь тем семьям, которым помогают, то четкой зависимости не установим. Первый столбец таблицы 6 подтвердит предыдущий вывод: чем меньше населенный пункт, тем менее распространены частные трансферты. Однако адресность помощи везде примерно одинакова, колебания процентов невелики. Един-

ственное дополнение: в крупных городах (и только в них - равномерной зависимости от размера населенного пункта не наблюдается) более распространена помощь между друзьями. Это можно объяснить скорее социальными и культурологическими факторами, нежели экономическими.

Таблица 6.

*Источники получения межсемейной поддержки
в зависимости от типа населенного пункта*

	Вам помогали	Родители	Дети	Другие родственники	Друзья
Областной центр	29,4%	51,6%	21,3%	19,4%	16,7%
Город	24,1%	59,5%	19,8%	16,7%	10,6%
Поселок городского типа	30,3%	53,1%	31,7%	21,0%	10,0%
Село	17,5%	50,6%	25,3%	23,8%	12,2%
ВСЕГО	24,5%	53,7%	22,3%	19,6%	13,7%

Посмотрим, как же кризис 1998 г. повлиял на распространенность неформальной межсемейной помощи. В опросе RLMS 1998 г. было опрошено 3830 семей. На вопрос «Приходилось ли Вашей семье или кому-либо из ее членов безвозмездно отдавать деньги или товары родственникам, не являющимся членами Вашего домохозяйства?» «Да» ответили 25,5%. Итак общий процент оказания помощи оказался несколько выше, чем два года назад. Если мы посмотрим на адресатов помощи (см. табл. 7), то увидим, что и здесь проценты оказания помощи, пусть ненамного, но равномерно увеличились. Однако средний размер трансфертов в целом сократился (и это притом, что мы не учитываем инфляцию, и даем «чистые» суммы, названные в опросе). Необходимо отметить еще одну очень важную вещь: в 1996 г. размеры трансфертов к родителям равнялись размерам трансфертов к детям. В 1998 г. ситуация меняется принципиально, и помощь детям увеличивает-ся не только по частоте, но и по размерам: средний размер трансфертов детям (432,8 рубля) теперь почти в два раза больше размера трансфертов родителям (290,3 рубля).

Таблица 7.

*Направления оказания межсемейной помощи
(по данным RLMS, 1998 г.)*

Кому помогала Ваша семья	% домохозяйств, которые помогли	Средний размер трансфертов, руб.
Родителям Вашим или супруга (и)	6,3%	290,3 руб.
Детям Вашим или супруга (и)	11,3%	432,8 руб.
Бабушкам и дедушкам Вашим или супруга (и)	0,8%	186,7 руб.
Внукам Вашим или супруга (и)	5,0%	148,2 руб.
Другим родственникам	8,5%	179,0 руб.

Полученные выше выводы подтверждаются следующим вопросом: «Получала ли Ваша семья безвозмездно деньги или товары в течение последних 30 дней?». «Да» на него ответили 26,4%. Распределение трансфертов от помогающих показано в табл. 8. По сравнению с опросом 1996 г. распространенность и размер частных трансфертов увеличились.

Таблица 8.

*Источники получения межсемейной помощи
(по данным RLMS, 1998 г.)*

Кто помогал Вашей семье	% домохозяйств, которые помогли	Средний размер трансфертов, руб. (неденоминированных)
Родители Ваши или супруга (и)	14,0%	536,3 руб.
Дети Ваши или супруга (и)	5,5%	380,1 руб.
Бабушки и дедушки Ваши или супруга(и)	1,2%	260,9 руб.
Внуки Ваши или супруга (и)	0,3%	90 руб.
Другие родственники	4,4%	457,3 руб.
Друзья	3,3%	346,1 руб.
С места работы членов домохозяйства	0,9%	304,9 руб.
От других организаций и частных лиц	1,9%	Нет данных

Что бы более компактно показать влияние разных факторов на распространение частных трансфертов, обратимся к регрессионному анализу. Вероятность участия домохозяйства в обмене деньгами рассчитывается серией регрессионных логистических уравнений:

$$Y_{ид} = 1 / (1 + \exp(-(a_{д0} + a_{д1} * X_{д1} + a_{д2} * X_{д2} + \dots + a_{дn} * X_{дn}))); \quad (1)$$

где X — независимые переменные, как интервальные, так и порядковые (dummi-переменные), а Y_i — вид участия в обмене трансфертом: донор, реципиент или обмен. Таким образом вычисляются факторы, максимально влияющие на участие в том или другом типе обмена, и можно провести предварительную классификацию домохозяйств для сетевой модели.

Ниже приведен пример логистической модели, построенной по опросу Я. Рожиной и О. Кузиной. В таблице 9 перечислены независимые переменные, которые были подобраны для модели (1), и коэффициенты, рассчитанные в программе для обработки статистических данных SPSS (Statistical Package for Social Sciences) для этих переменных. Пример показывает вероятность *отдачи* и *получения* домохозяйством денежных трансфертов.

Некоторые результаты согласуются с данными, полученными в обследовании В. Якубовича — например, наличие пенсионеров в семье увеличивает вероятность отдачи денег, а наличие земельного участка — снижает. Другие выводы отличаются от сделанных Якубовичем. Так, по нашим данным, наличие высшего образования снижает вероятность отдачи денег и увеличивает вероятность получения субсидий. Можно предположить, что это влияние кризиса, который наиболее болезненно повлиял на бюджетную сферу, где в основном и заняты высокообразованные кадры.

Таблица 9.

Вероятность участия домохозяйства в денежном обмене
Оценки коэффициентов логистической модели методом
максимального правдоподобия

Независимые переменные	Отдают деньги	Получают деньги
Константа	-2,2830*** ⁴	-0,3612
Количество членов домохозяйства	0,0526*	0,0710
Среднедушевой доход в семье	0,0003**	-0,0003**
Получают пенсию, стипендию, пособия	-0,0959	-0,3375**
Наличие супруга (супруги) в семье	0,3667**	-0,0498
Наличие в семье детей до 7 лет	-0,3682*	0,6087**
Имеют в пользовании землю	0,3136**	-0,1647
Наличие работающих в семье	0,4663**	0,0358
Образование главы домохозяйства ⁵ :		
Незаконченное среднее	-0,4662	-0,3051
Высшее	-0,1120	0,1897
Возраст главы домохозяйства	0,0008	-0,0003
Количество лет, затраченных на образование	-0,0024	0,0110
Количество мест работы	0,1968*	-0,0696
Место проживания :		
Москва	-0,0168	-0,3433*
Количество поколений в семье ⁷ :		
Одно поколение	0,6457*	0,3245
Два поколения	0,4849**	-0,0315

Подобное тестирование эконометрической модели можно провести по всем четырем ресурсам: деньгам, продуктам, информации и труду. Обратим внимание на то, что значимой оказалась переменная: «среднедушевой доход». Разобьем всю совокупность домохозяйств на квартили по доходности, условно обозначив их следующим образом:

I. Самые бедные домохозяйства, среднедушевой доход менее 305,2 рублей,

2. Бедные, среднедушевой доход от 305,2 до 600 рублей;
3. Средние, среднедушевой доход от 600 до 1062 рублей;
4. Обеспеченные, среднедушевой доход более 1062 рублей.

По методологии, описанной в статье «Социальные сети: обмен частными трансфертами» [3], проведем расчет обмена всеми четырьмя типами ресурсов, за вершины сети приняв описанные выше квартили домохозяйств. Построенная сеть представлена на рисунке 2. Рядом с направлением потока буквой обозначен тип ресурса: Д - деньги, П — продукты, С — информация, связи, Т - труд. Цифрой рядом с буквой обозначена интенсивность помощи, которую оказывает один тип домохозяйства другому.

Самая бедная группа (1), помимо денег и продуктов, оказывается самым активным потребителем трудовой помощи, причем сама она никому никакой помощи не оказывает. Трудовые потоки, направленные в эту группу имеют наибольшие веса из всех трудовых потоков в сетевой модели: поток от группы 4 имеет условный вес 48,600; поток от группы 3 «весит» 48,319; поток от группы 2 «весит» 45,229 единиц. Веса остальных трудовых потоков не превышают 43 единиц.

Если отдельно рассмотреть обмены между группой 4 («обеспеченные») и группой 2 («бедные»), то можно сказать, что мы имеем дело с обменом ресурсами, потому что из группы 4 в группу 2 поступают все ресурсы, а обратно возвращаются только два ресурса: труд и связи.

Также можно сказать, что ресурсы перераспределяются совместно парами: Деньги с Продуктами, Труд со Связями и информацией.

На рисунке 3 показана схема перераспределения информационных ресурсов. Если принять во внимание веса ресурсов, то получается, что самая обеспеченная группа домохозяйств аккумулирует всю информацию на себя. Даже если она помогает другим группам, то обратно идет более насыщенный поток. Так, из группы 4 в группу 3 идет поток весом 35,287 единиц, а обратно возвращается поток весом 55,042 единицы.

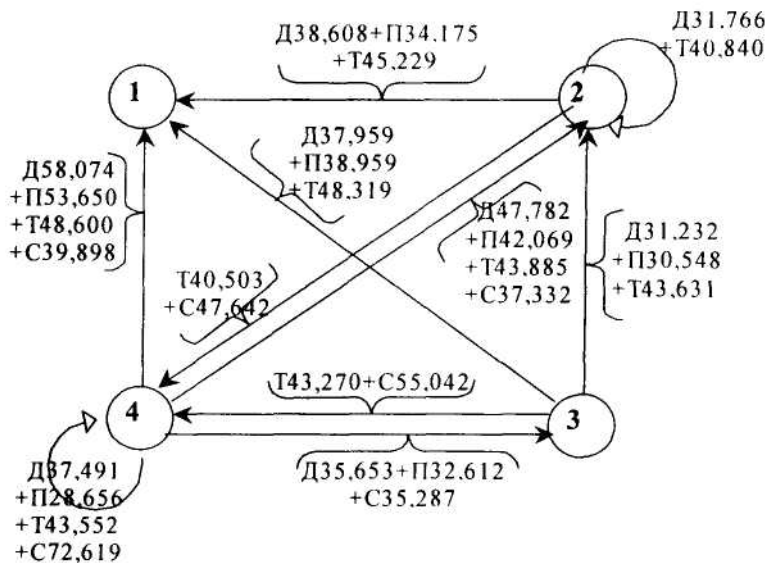

Рис. 2. Потoki обмена ресурсами между домохозяйствами с разным уровнем дохода, 1999 г.

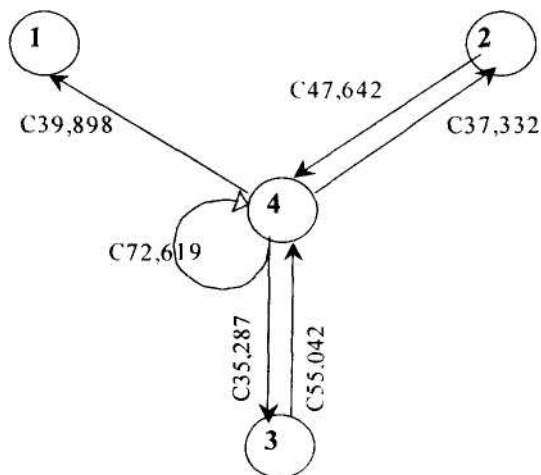

Рис. 3. Перераспределение информационных ресурсов между домохозяйствами с разным уровнем дохода, 1999 г.

Более подробный анализ полученных результатов выходит за границы этой статьи. Однако продемонстрирована возможность структурного анализа, в полном смысле этого слова. Структурность заключена, прежде всего, в дискретной природе изучаемого явления, которая требует адекватных методов моделирования.

В заключение, необходимо обобщить полученные практические выводы по процессам сетевизации домохозяйств в России. Прежде всего, выявлена одна из основных причин расхождения оценки распространенности взаимопомощи в России: она зависит от населенного пункта — в городах межсемейная поддержка распространена гораздо шире, чем в семье. Далее, выявлена комплементарность денежно-продуктовых ресурсов, которые обмениваются на трудовые и информационные ресурсы. И последний важный вывод состоит в подтверждении тезиса о растущей информативности нашего общества. Сложно сказать, что является причиной, а что следствием, но факт аккумуляции информации самой обеспеченной группой домохозяйств налицо. Самые богатые активнее включены в процессы обмена информацией, что, безусловно, отражает более общие процессы информационализации (термин М. Кастельса [6, С. 12]) и глобализации общества. А это, в свою очередь, влияет и на общие процессы трансформаций в России, и автор уверен, что предлагаемые методы сетевого анализа помогут достаточно полно изучить их.

Литература:

1. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель. / П. Блау // Американская социологическая мысль: Тексты. Под ред. В.И. Добренькова. — М.: Издание Международного Университета бизнеса и Управления, 1996.
2. Горбатов В.А. Фундаментальные основы дискретной математики. / В.А. Горбатов. - М.: Наука. 2000.
3. Градосельская Г.В Социальные сети: обмен частными трансферами / Г.В. Градосельская // Социологический журнал. — 1999. № 1/2.

4. Денисенко М.Б. Экономическое положение населения в старших возрастах / М.Б. Денисенко, С.Ю. Рощин // Отчет об исследовании. (Рукопись). - 1998.
5. Добрынин А.И., Человеческий капитал в транзитивной экономике. Формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс // Пер. с англ. Под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
7. Кокс Д., и др., 1998. Экономическая поддержка семьи со стороны частных лиц в период перехода к рыночной экономике. // Бедность в России. Государственная политика и реакция населения / Д. Кокс. // Под ред. Д. Кругмана. Вашингтон: Институт экономического развития Всемирного банка.
8. Кристофидес Н. Теория графов. Алгоритмический подход. / Н. Кристофидес. — М.: Мир, 1978.
9. Математические методы анализа и интерпретация социологических данных. - М. Наука, 1989.
10. Нефедов В.Н. Курс дискретной математики./ В.Н. Нефедов, В.А. Осипова. - М.: Изд-во МАИ, 1992.
11. Неформальная экономика / Под. ред. Теодора Шанина. — М.: Логос, 1999.
12. Оре О. Теория графов / О. Оре. - М.: Наука, 1968.
13. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
14. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии / Ю.Н. Толстова. - М., 1998.
15. Хоманс Дж.К. Возвращение к человеку. / Американская социологическая мысль: Тексты // Дж.К. Хоманс. Под ред. В.И. Добренкова. - М.: Издание Международного Университета бизнеса и Управления, 1996.
16. Швери Р. Теоретическая концепция Джеймса Коулмена: аналитический обзор / Р. Швери // Социологический журнал. — 1996. № 1/2.
17. Якубович В.Б. Социальные возможности и экономическая необходимость: включенность городских домохозяйств в сети неформальной взаимопомощи / Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России // В.Б. Якубович. Под ред. В. Кабахиной и С. Кларка. М.: РОССПЭН, 1999. (В печати.)
18. Advances in Social Network Analysis. Research in the Social and the Behavioral Sciences. /By Stanley Wasserman, Joseph Galaskiewicz. SAGE. 1994.
19. Altonji J. The Effects of Income and Wealth on Time and Money Transfers Between Parents and Children. / J. Altonji, F. Hayashi,

20. L.J. Kotlikoff. // NBER working paper series. National Bureau of Economic Research. - 1996.
- 21.20. Altonji J. Parental Altruism and Inter Vivos Transfers: Theory and Evidence, mimeo, /Altonji J, F. Hayashi, L.J Kotlikoff. - 1994. February.
- 22.21. Andreoni J., 1989. Giving with Impure Altruism: Applications to Charity and Richardian Equivalence / J. Andreoni // Journal of Political Economy. - 1997. № 6. P. 1447-1453.
23. Antonucci T.C., Knipscheer, C.P.M., 1989. Social Network Research: Methodological Questions and Substantive Issues. / Lisse, the Netherlands: Swets&Zeitlinger. In press.
24. Baker W. Market Networks and Corporate Behavior. / W. Baker // American Journal of Sociology. - 1990. Vol. 96. P. 589-625.
25. Baker W. Networking Smart: How to Build Relationships for Personal and Organizational Success. / W. Baker. - New York: McGraw-Hill, 1994.
26. Becker G.S., A Theory of Social Interactions / G.S. Becker // Journal of Political Economy. - 1974. Vol. 82 (6). P. 1063-1093.
27. Becker G.S., The Economic Approach to Human Behavior. / G.S. Becker. — Chicago: The University of Chicago Press. - 1978.
28. Becker G.S. Human Capital. / G.S. Becker. — Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
29. Blau P.M. Exchange and Power in Social Life / P.M. Blau. — New York: John Wiley, 1964.
30. Bollobas B. Graph Theory: an Introductory Course. / B. Bollobas. — New York: Springer-Verlag, 1979.
31. Burke P.J. An Identity Model for Network Exchange / P.J. Burke / American Sociological Review, 1997 Vol. 62. P. 134-150.
32. Burt R.S. Models of Network Structure /R.S. Burt// Annual Review of Sociology. - 1980. Vol. 6. P. 79-141.
33. Burt R.S., Structural Holes. The Social Structure of Competition. / R.S. Burt. - England: Harvard University Press, 1992.
34. Castells M. The Rise of the Network Society. / M. Castells. - Oxford. Blackwell Publishers, 1996.
35. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. / J.S. Coleman. — Cambridge: The Belknap Press of Harvard College, 1994.
36. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J.S. Coleman//American Journal of Sociology. - 1988. Vol.94. P. 95-121.
37. Cook K.S. Social Exchange Theory / K-S. Cook. — Newbury Park, Calif: Sage, 1987.
38. Cook K.S., Whitmeyer J.M. Two Approaches to Social Structure-Exchange Theory and Network Analysis / K.S. Cook // Annual Review of Sociology. - 1992. Vol. 18. P. 109-127.
39. Cox D. Motives for Private Transfers / D Cox //Journal of Political Economy. - 1987. Vol. 95(3). P. 509-546

39. Cox D. Intergenerational Transfers and Liquidity Constraints / D. Cox // *Quarterly Journal of Economics*. - 1992. February: 187-217.
40. Cox D. The Connection Between Public Transfers and Private Interfamily Transfers / D. Cox, G. Jakubson // *Journal of Public Economics*. - 1995. Vol. 57(1). P. 126-167.
41. Davis G.F. Corporate Elite Networks and Governance Changes in the 1980s. / G.F. Davis, H.R. Greve // *American Journal of Sociology*. — 1997. Vol. 103(1). P. 1-37.
42. Emerson R.M. Toward a Theory of Value in Social Exchange // *Social Exchange Theory* / Ed. by K.. Cook. Newbury Park, CA: Sage, 1987.
43. Jansson I., The Use of Local Networks in a Study of Heroin Users: Assessing Average Local Networks / I. Jansson, M. Spreen // *Bulletin de Methodologie Socioioque*. - 1998. Vol. 59. P. 49-61.
44. Knoke D. *Network Analysis*. / D. Knoke, J.H. Kuklinski. - Indiana University: Sage, 1982.
45. Lazarsfeld P.F. *Analyzing the Relations Between Variables // On Social Research and its Language*. / Ed. by R. Boudon. Chicago: The Univ of Chicago Press, 1993.
46. *Markets, Hierarchies & Networks: the Coordination of Social Life*. / Ed. by G.Thompson and others. The Open University: Sage, 1993.
47. Marsden P.V. *Network Data and Measurement* / P.V. Marsden // *Annual Review Sociological*, 1990.
48. Marsden P.V. *Social Structure and Network Analysis*. / P.V. Marsden, Lin N. - Newbury Park, CA: Sage, 1982.
49. Mohr J.W. *Measuring Meaning Structures* / J.W. Mohr // *Annual Review of Sociology*. - 1998. Vol. 1. P. 345-370.
50. Portes A. *Social Capital: its Origins and Application in Modern Sociology*. / A. Portes // *Annual Review of Sociology*. - 1998. - 24: 1-24.
51. Turner J.H. *The Structure of Sociological Theory*. / J.H. Turner. — Belmont. University of California, 1991.
52. Wasserman S. *Social Network Analysis*. / S. Wasserman, K. Faust. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
53. Wellman B. *Network Analysis: Some Basic Principles* / B. Wellman // *Sociological Theory*, 1983. Vol. 1. P. 155-199.
54. Wellman B. *Social Structures: a Network Approach*. / B. Wellman, S.D. Berkowitz. - Cambridge, England: Cambridge University Press, 1988.
55. Wellman, B. *Social Structures: a Network Approach (adapted edition)*. / B. Wellman, S.D Berkowitz. - Greenwich, CT: JAI Press, 1997.

Примечания:

¹ Опрос проведен Я. Роциной и О Кузиной в марте 1999 г при поддержке EERS «Стратегии экономического выживания населения».

² В. Якубович [17] невысокие проценты в исследовании Кокса объясняет тем, что в один массив были включены разные регионы. Так, в Новгороде доля домохозяйств, обменивающихся трансфертами, составляет 70%, в Свердловске их всего 15%. Нельзя упускать из виду региональный аспект.

³ Опрос Я. Роциной и О. Кузиной проводился сразу после кризиса, и заметно падение активности домохозяйств в обмене трансфертами. В этом исследовании на вопрос «Помогали ли вы раньше кому-либо материально?» «Да» ответили 39,5% респондентов. А на вопрос «Собираетесь ли дальше помогать материально?», «Да» ответили 23,7%. Тех, кто помогал кому-либо раньше и собирается помогать в будущем, оказалось всего 8,7%, что говорит об общем изменении жизненных стратегий относительно помощи родственникам Приближаемся ли мы к западным стандартам или снижение активности обмена трансфертами - временное явление, вызванное кризисом, - покажет очередное исследование.

⁴ Уровни значимости: * $P < 0.1$, ** $P < 0.05$, *** $P < 0.001$

⁵ «Общее среднее и среднее специальное образование» - референтная группа.

⁶ «Не Москва» — референтная группа.

⁷ «Три поколения» — референтная группа.